

KORNUTA Igor' Vasil'evich, postgraduate student at the Chair of Political Science, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University (bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, Russia, 119991; i.v.kornuta@outlook.com)

ON THE TOPIC OF DEEP STATE AS THE STRUCTURAL ELEMENT OF A MULTI-PURPOSE INTEREST GROUPS IN THE UNITED STATES

Abstract. Modern political processes often take the form of shows and carnivals. In turn, this requires a view of political institutions, processes and technologies that allows you to see behind them the veiled mechanisms of governance. Of greatest interest in this context is the study of the United States as a country where multi-purpose interest groups have real political influence.

Keywords: political institutions, political processes, political technologies, interest groups, deep state, USA

ЛУБЕНЕЦ Евгений Вячеславович – аспирант 3-го курса направления «Политические науки и регионоведение» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82, стр. 1, mrx7504@yandex.ru)

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В КАЗАХСТАНЕ В УСЛОВИЯХ АВТОРИТАРИЗМА: ПУТЬ К ЭТНОКРАТИИ?

Аннотация. В статье рассматривается процесс нациестроительства в Республике Казахстан, показаны некоторые инструменты формирования коллективных идентичностей и выявлены наибольшие трудности в проводимой правящей элитой политике строительства нации. Особое внимание автор уделяет дилемме соотношения казахской (этнической) и казахстанской (гражданской) наций. По результатам исследования сделан вывод о риске установления этнократии, обусловленной авторитарным характером политического устройства страны.

Ключевые слова: Казахстан, нациестроительство, национальная политика, Ассамблея народа Казахстана, жузы

Говоря о многих современных государствах постсоветского пространства, нельзя не упомянуть о неразвитости их политических институтов, зачастую заменяемых персоналиями автократов. К государствам с таким режимом относится и Казахстан, в котором «политическая конъюнктура сформировала идейно-национальные штампы с подменой демократических понятий», а нациестроительство в совокупности с формированием авторитарного режима сопровождалось массовой миграцией населения, высоким уровнем коррупции, снижением уровня жизни, пограничной уязвимостью и проблемой распространения радикального ислама [Жанбосинова 2016: 185]. Несмотря на эти проблемы, на протяжении долгого времени режиму удавалось поддерживать стабильность в обществе, предлагая ему авторитар-

ную модель развития в обмен на политические свободы, однако она оказалась неспособной преодолеть существующие размежевания внутри нации. Пожалуй, наиболее важный раскол в казахстанском обществе проходит по линии размежевания трех политико-этнических образований – жузов, имеющих свои местные элиты, между которыми национальной элите приходится искать компромиссы и обеспечивать консенсус, сохраняя при этом привилегии своей родовой группы. С самого начала независимости современного Казахстана такой группой оказались представители Старшего жуза, сосредоточившие в своих руках верховную власть в стране [Амрекулов 2000]. К сожалению, занимающие высокие посты родственники еще более высоких чиновников зачастую не имеют должного профессионализма, но при этом пользуются неприкасаемостью благодаря кланово-родовым связям и земляческому окружению. И подобные проявления трайбализма, коррупции и nepотизма (кумовства) распространены практически во всех слоях общества, несмотря на то, что в целом такие практики, по наблюдениям некоторых казахстанских экспертов, подвергаются осуждению [Шакеева, Шайкемелев, Айтымбетов 2020]. Вероятно, наилучшее объяснение распространенности этих явлений предложил Э. Хобсбаум, отметивший, что в постсоциалистических странах принадлежность к нации, подобно родственным связям, предоставляет членам одной группы преимущества перед другими в условиях ограниченности ресурсов переходных экономик [Хобсбаум 1998].

На низовом уровне противоречия между жузами осложняются более разнообразной с этнической точки зрения структурой населения (в отличие от представленной преимущественно титульной нацией элиты), что требует от субъектов символической политики Казахстана преследования двух главных целей: во-первых, сохранения представителями вышеупомянутой этнической элиты на ключевых постах; во-вторых, сплочивания казахской нации путем преодоления феодальных пережитков, а затем и казахстанской нации с помощью недопущения конфликтов на национальной почве, на что направлены национальная и символическая политика.

В качестве одного из примеров символической политики (хотя значение этого события отнюдь не было таковым) можно назвать перенос столицы из Алматы, расположенной в Старшем жузе, на территорию Среднего жуза – в Акмолу (Астану). Данный шаг должен был ослабить влияние прежних кланов и подчеркнуть равнозначность всех жузов и, следовательно, единство казахской нации. Однако последовавшее перенаправление миграционных потоков привело к изменению демографического состава населения, а именно к увеличению доли титульного этноса [Садовская 2001].

Однако для сплочивания всего многоэтнического населения в гражданскую нацию необходимы и другие меры. Одним из наиболее распространенных инструментов нациестроительства, в т.ч. и в Казахстане, являются коммеморативные практики, связанные с отмечанием тех или иных исторических событий. На примере государственного праздников хорошо видно, что многие из них так или иначе затрагивают политику памяти и языковую политику: День единства народов Казахстана, наполнивший новым смыслом Первое мая, День языков народов Казахстана и День благодарности, символизирующий благодарность за гостеприимство, проявленное казахами, принявшими на своей земле депортированные во время сталинских репрессий народы [Семененко и др. 2017]. Последний из праздников относительно нов и связан с деятельностью Ассамблеи народа Казахстана (АНК), представляющей собой собрание представителей различных национально-культурных центров.

Об этом инструменте национальной политики стоит сказать отдельно. Как и в случае с другими организациями, адаптирующими этнокультурные меньшинства, в задачу АНК входит поддержание лояльности среди данных групп населения и инкорпорация их в единую гражданскую общность. В этом смысле особенно показательно переименование АНК в 2007 г. из Ассамблеи *народов* Казахстана в Ассамблею *народа* Казахстана, что в большей степени соответствует Конституции 1995 г., в которой упомянут «казахстанский народ» в единственном числе.

Принятию именно такого названия предшествовали годы дискуссий о принципах построения постсоветской государственности и национальной общности. Особенно остро эта проблема стояла сразу после распада Советского Союза в декабре 1991 г. Несмотря на официальное прекращение так называемой ленинской национальной политики, наследие советской политики в сфере межэтнических отношений в Казахстане сохранилось. Проявилось это прежде всего в формулировках конституционных документов 1990–1995 гг., в которых многонациональное население республики было обозначено как народ Казахстана. Однако в последнем из них появилось заметное отличие: если в Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР¹, конституционном законе «О государственной независимости Республики Казахстан»² и преамбуле Конституции 1993 г.³ отдельно упоминается еще и казахская нация, то в преамбуле ныне действующей Конституции 1995 г. данное словосочетание отсутствует⁴.

Это говорит о том, что Казахстан пошел по пути выстраивания гражданской нации, включив в нее представителей всех народов, не пытаясь ассимилировать их в казахскую этническую нацию. И все же в казахстанских реалиях выявляемое противопоставление между казахстанским народом с признаками гражданской нации, выступающим в качестве источника государственной власти, и казахской нацией оставило возможность для различных интерпретаций:

- 1) казахская нация является консолидирующим ядром многонационального казахстанского народа, что озвучивалось в ряде выступлений некоторых официальных лиц даже после изъятия из конституции понятия «казахская нация»;
- 2) казахи составляют нацию, все остальные народы – диаспоры (данное утверждение активно стало применяться с 2005 г. в политической риторике националистов, когда начался подъем патриотического движения);
- 3) казахи – часть казахстанской нации.

¹ Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР: Постановление Верховного Совета Казахской ССР от 25.10.1990 № 307-ХП. – *Әділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан*. Доступ: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V900001700_ (проверено 04.12.2022).

² О государственной независимости Республики Казахстан: Конституционный закон от 16.12.1991. – *Әділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан*. Доступ: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004400_#z0 (проверено 04.12.2022).

³ Конституция Республики Казахстан (утратила силу в связи с принятием новой Конституции 30 августа 1995 г.). – *Әділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан*. Доступ: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000_ (проверено 04.12.2022).

⁴ Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30.08.1995) (с изм. и доп. по сост. на 19.09.2022). – *Президент Республики Казахстан. Официальный сайт*. Доступ: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution# (проверено 04.12.2022).

Именно этот тезис пользовался активной поддержкой Н. Назарбаева¹, что можно считать наиболее корректным и приемлемым для всех групп населения.

Как бы то ни было, первые шаги по выстраиванию казахстанской нации не вызвали особенного сопротивления каких-либо групп населения, ведь ни для кого не было сделано исключения при признании гражданином страны, т.е. частью казахстанского народа. Если проводить аналогии с подобными процессами в других странах постсоветского пространства, то казахстанский путь имеет больше общих черт с литовским или украинским опытом, когда гражданами были признаны все, кто проживал на территории этих бывших союзных республик на момент провозглашения восстановления независимости в 1991 г., что было, по оценке Т. Кузьо, весьма либеральным шагом, который не позволил создать в них «этническую демократию» подобно Эстонии, Латвии и Израилю [Kuzio 1998: 93] (хотя в последнем более важным является религиозный фактор).

Падение темпов эмиграции, наметившееся в конце 1990-х гг.², косвенно доказывает приемлемость для большинства граждан неказахского происхождения тезиса: «мы, казахстанский народ, объединенный общей исторической судьбой, на исконно казахской земле» из преамбулы Конституции 1995 г. Этому еще более поспособствовало изменение политики в национальной сфере на практике³, проявлением чего стало создание уже упомянутой АНК, используемой властью для укрепления лояльности населения к политической системе и межэтнического согласия как главной из опор общественно-политической стабильности.

Но, кроме бесспорно необходимой идеи об общественно-политической стабильности и внимании к межэтническим отношениям, должны быть и другие условия для формирования и объединения нации.

В качестве одного из них в случае Казахстана можно указать символическое значение его первого президента, чья личность, по задумке провластных идеологов, должна была сыграть роль объединяющего начала и гаранта межэтнического согласия. А формальным выразителем этой роли должна была стать АНК, которая на заре независимости, в марте 1995 г., якобы от лица всех народов инициировала референдум по продлению полномочий Н. Назарбаева и тем самым поспособствовала становлению авторитарной президентской власти и, более того, превращению его в отдельный символ нации. Новый символ, закрепляясь в сознании народа, благодаря вхождению в привычку, постепенно «материализуется». Так, институт президента Казахстана стал ориентиром символической политики, а его высказывания служат побудительным мотивом для других акторов политики идентичности, что в целом присуще авторитарным режимам [Петренко 2016: 73]. И несмотря на кажущуюся либерализацию режима, можно предположить, что новый президент сохранит за собой эту роль национального символа.

Другим немаловажным условием является разрешение языкового вопроса,

¹ Исагамбетов Т. Нацистроительство в Казахстане: между казахстанским народом и нацией. — *Central Asian Analytical Network*. 13.06.2018. Доступ: <http://caa-network.org/archives/13450> (проверено 30.06.2023).

² Алимбекова Г.Т., Зайналова Е.А. Миграция в Казахстане в постсоветский период. — *Public Opinion Research Center*. Доступ: http://www.ciom.kz/upload/userfiles/files/Migratsiya_postsovetski_period.pdf (проверено 04.12.2022).

³ Исагамбетов Т. Нацистроительство в Казахстане: между казахстанским народом и нацией. — *Central Asian Analytical Network*. 13.06.2018. Доступ: <http://caa-network.org/archives/13450> (проверено 30.06.2023).

весьма остро стоящего во многих странах постсоциалистического пространства. Как и во многих бывших республиках СССР, в Казахстане сохраняется тема функционирования русского языка. Для значительной части населения он является родным, в т.ч. и для некоторых казахов. В то же время государственный казахский язык знают не все граждане¹. Поэтому власти решили придать русскому языку статус официального (т.е. употребляемого наравне с государственным во всех официальных учреждениях), сохранить за казахским статус государственного языка², фактически сделав их равноправными.

При этом разрешение данного вопроса также оказалось связанным с личностью первого президента, который отдавал предпочтение русскому языку, чем склонил на свою сторону русских по происхождению работников крупных промышленных предприятий, с настороженностью относившихся к оппозиционно настроенным национал-патриотам, критиковавшим непропорциональное присутствие русского языка в публичной сфере [Ертысбаев 2000].

И конечно, языковая политика затрагивает и образовательную сферу, не лишённую некоторых противоречий. С одной стороны, Конституция Казахстана официально закрепляет беспрепятственное развитие языков всех народов республики. Но, с другой стороны, курс государства на укрепление самобытной национальной культуры обособляет казахскоязычный и русскоязычные образовательные сегменты. Дальнейшему их разделению также способствует постепенно осуществляемый переход казахского языка с кириллической графики на латинскую [Семененко и др. 2017], что затрудняет его изучение и повседневное письменное использование русскоязычными. Интересно, что та же самая проблема возникает и у старшего поколения казахов, привыкших к старому алфавиту, из-за чего общение между разными возрастными группами также усложнится, добавив дополнительный ментальный разрыв между «советскими» и позднепостсоветскими казахами.

В целом же включенность этнических меньшинств в казахстанскую нацию не оспаривается на государственном уровне, а поддержание инклюзивности остается приоритетной задачей власти в области национальной политики. И даже несмотря на тот факт, что в публичном пространстве все еще идет обсуждение того, какая нация должна строиться в Казахстане, — казахская или казахстанская, со стороны интеллектуальной элиты, понимающей опасность этнического национализма, транслируется предпочтительность конструирования именно гражданской нации. В этой связи интересна мысль историка Ж. Сабитова, считающего, «что нация должна быть гражданской и включать всех граждан Казахстана, это однозначно, а все не казахи должны стать 4-м жузом и интегрироваться в эту нацию»³. Изменение же демографического состава населения, в частности в северных областях, куда с этой целью специально переселяются так называемые оралманы (представители казахской диаспоры соседних стран), Ж. Сабитов рассматривает как ложное средство,

¹ Там же.

² Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30.08.1995 (с изм. и доп. по сост. на 19.09.2022). — *Президент Республики Казахстан. Официальный сайт*. Доступ: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution# (проверено 04.12.2022).

³ Сабитов Ж. Пора понять, какую нацию мы создаем: казахскую или казахстанскую. — *Exclusive*. 25.05.2021. Доступ: <https://exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/124680/> (проверено 04.12.2022).

которое якобы должно было помочь избежать сложного процесса формирования единой нации¹.

Впрочем, попытки найти какую-либо объединяющую идею (идеологию), не касающуюся национальных отношений, также не оставляются. В качестве новых национальных идей поочередно предлагались независимость и конкурентоспособность страны, однако, по справедливому замечанию Т. Исмагамбетова, экономические вопросы вряд ли будут способны заменить обычному человеку более экзистенциальные вопросы идентичности, вопросы языка, религии и земли².

Таким образом, видение пути нациестроительства в Казахстане в общих чертах определено. Нация должна строиться по политико-гражданскому и территориальному признаку и включать в себя не только казахов или тех, кто знает казахский язык, но и людей иного происхождения. Однако в то же время в практической плоскости ключевые государственные должности заняты представителями титульного этноса. В частности, акимы всех областей и городов республиканского подчинения на данный момент являются казахами (и к тому же мужчинами³, если говорить о гендерном дисбалансе). Для авторитарного режима (остающегося таковым и после прихода к власти в январе 2022 г. К.-Ж. Токаева) все еще актуальным принципом формирования элит остаются nepотизм и клановость, основанные на родственных связях, что, в свою очередь, создает риски скатывания к фактической этнократии. Ведь этнос, по выражению Э. Смита, является расширенной семьей или, по крайней мере, ее образом [Смит 1994]. С другой стороны, этнократию нельзя назвать целью, на которую направлено построение казахстанского государства, о чем свидетельствует его символическая политика. Скорее она является следствием авторитарного правления, при котором определяющий критерий для назначения на ту или иную должность — лояльность покровителю, а не личные качества. Устранение этого корня зла позволит Казахстану перейти к меритократическим принципам общественно-политического устройства.

Список литературы

Амрекулов Н. 2000. Жузы в социально-политической жизни Казахстана. — *Центральная Азия и Кавказ*. № 3(9). С. 131-146.

Ертысбаев Е.К. 2000. *Генезис выборной демократии в современном Казахстане: проблемы и перспективы. 1990–2000 г.* А.: Казак университет. 460 с.

Жанбосинова А.С. 2016. Национальная стратегия Казахстана: гражданская идентичность или этническая идентичность — время выбора. — *Российские регионы: взгляд в будущее*. Т. 3. № 3. С. 183-200.

Петренко Е. 2016. Нациестроительство в условиях авторитарной модернизации: опыт Казахстана. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 6. С. 70-79.

Садовская Е.Ю. 2001. *Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы*. А.: Фалым. 259 с.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. 2017. Между госу-

¹ Там же.

² Исмагамбетов Т. Нациестроительство в Казахстане: между казахстанским народом и нацией. — *Central Asian Analytical Network*. 13.08.2018. Доступ: <http://caa-network.org/archives/13450> (проверено 30.06.2023).

³ Ашимбаев Д. Обновленный акимский корпус. — *Кто есть кто в Казахстане*. 13.12.2022. Доступ: <https://kazbio.info/?S=1030> (проверено 25.02.2023).

дарством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 54–78.

Сміт Е. 1994. *Національна ідентичність*. К.: Основи. 224 с.

Хобсбаум Э. 1998. *Нации и национализм после 1780 г.* СПб: Алетейя. 306 с.

Шакеева Б., Шайкемелев М., Айтымбетов Н. 2020. Родовые отношения в Казахстане: возрождающаяся традиция или социальный инструмент? — *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 23. № 4. С. 36–45.

Kuzio T. 1998. *Ukraine: State and Nation Building*. L.; NY: Routledge. xiv+298 p.

LUBENETS Eugeny Vyacheslavovich, 3rd-year postgraduate student (Political and Regional Studies) at the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (bld. 1, 82 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; mrx7504@yandex.ru)

NATION BUILDING IN KAZAKHSTAN UNDER CONDITIONS OF AUTHORITARIANISM: THE PATH TO ETHNOCRACY?

Abstract. The article considers the process of nation building in the Republic of Kazakhstan, shows some tools for the formation of collective identities and identifies the greatest difficulties in the nation-building policy pursued by the ruling elite. The author pays particular attention to the dilemma of the relationship between the Kazakh (ethnic) and Kazakhstani (civilian) nation. Based on the results of the study, the author concludes about the risk of establishing an ethnocracy, due to the authoritarian nature of the political structure of the country.

Keywords: Kazakhstan, nation building, national policy, Assembly of the People of Kazakhstan, zhuzes

КУЗЬМИН Владимир Денисович — аспирант Московского городского педагогического университета (129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4; nothingtohave88@gmail.com)

В ПОИСКАХ РОДИНЫ: ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ АРМЯН

Аннотация. В статье освещаются проблемы миграционной активности армянского этноса. С опорой на общедоступные источники и сопоставление мнений о событиях и фактах автор проводит обзор специфических вопросов и сложностей, сопровождающих возвращение современных армян в страну своих предков.

Ключевые слова: армяне, репатриация, миграция, гуманизм, диаспора, интеграционные процессы, новая историческая родина

Введение. Армянский этнос имеет долгую историю миграции, и возвращение всегда было частью его миграционного цикла. Причинами миграции армянского народа становились политические, религиозные, национальные и природные факторы, которые негативно сказались на репродуктивном, интеллек-